

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-1-45-59

УДК 821.161.1

А.В. Давыдова

Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова,
163002 г. Архангельск, Российская Федерация

«Есть ночи зимней блеск и сила...»: образ зимней ночи в Северном тексте русской литературы для детей

Аннотация. Статья является частным этапом изучения Северного текста русской литературы для детей как субтекста Северного текста. Цель автора – анализ образа зимней ночи в произведениях для детей писателей XX в.: К. Бадигина, М. Барышева, З. Давыдова, Н. Жернакова, Н. Лебедева, А. Мошковского, Л. Платова, С. Радзиевской, М. Скороходова, А. Членова. Отталкиваясь от художественной специфики Северного текста как локального сверткста, автор руководствуется интегративным принципом в исследовании произведений, совмещающим различные виды литературоведческого анализа (мотивный, системно-семантический, мифопоэтический, хронотопический) с элементами геопоэтического подхода. Проведенный анализ корпуса произведений показал, что образ темной ночи в Северном тексте русской литературы для детей чаще всего связан с зимой, что отражает природную специфику региона, а также реализуется через более частные образы звезд и полярного сияния, каждый из которых связан с устойчивой системой мотивов. Образ зимней ночи в произведениях о Севере для детей имеет сложную природу и занимает значимое место в художественной картине мира Северного текста. Он актуализирует не только категорию художественного времени, но и пространства Севера, помогает создать в произведениях разных писателей обладающий устойчивыми характеристиками образ региона. Северный текст русской литературы для детей – субтекст разных сверткстов, особый художественный феномен, существующий на границах различных сверткстов (в данном случае – регионального Северного текста и «ночного»). Подобные образно-смысловые пересечения открывают широкие перспективы для исследования как художественной природы Северного текста русской литературы для детей в частности, так и феномена литературного сверткста в целом.

Ключевые слова: детское чтение, Северный текст русской литературы для детей, образ зимней ночи в произведениях для детей, художественная картина мира

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Давыдова А.В. «Есть ночи зимней блеск и сила...»: образ зимней ночи в Северном тексте русской литературы для детей // Литература в школе. 2024. № 1. С. 45–59. DOI: 10.31862/0130-3414-2024-1-45-59

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-1-45-59

A.V. Davydova

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Arkhangelsk, 163002, Russian Federation

“There’s might and glitter of a winter night...”: The image of a winter night in the Northern text of Russian literature for children

Abstract. The article is a sub-stage of the study of the Northern Text of Russian literature for children as a subtext of the Northern Text. The author aims at analyzing the image of a winter night in works for children of writers of the 20th century: K. Badigin, M. Baryshev, Z. Davydov, N. Zhernakov, N. Lebedev, A. Moshkovsky, L. Platov, S. Radzievskaya, M. Skorokhodov, A. Chlenov. Based on the artistic specifics of the Northern text as a local supertext, the author is guided by the integrative principle in the study of works that combine various types of literary analysis (motivic, system-semantic, mythopoetic, chronotopic) with elements of the geo-poetic approach. The analysis of the corpus of works showed that the image of a dark night in the Northern text of Russian literature for children is most often associated with winter, which reflects the natural specifics of the region, and it is also realized through more specific images of stars and aurora, each of which is associated with a stable system of motifs. The image of a winter night in works about the North for children is complex in nature and occupies a significant place in the artistic picture of the world of the Northern text. It maintains not only the category of the artistic time, but also the space of the North, helps to create the image of the region with stable characteristics in the works of different writers. The Northern text of Russian literature for children is a subtext of various supertexts, a special artistic phenomenon that exists on the boundaries of various supertexts (in this case, the regional Northern text and the “night text”). Such figurative and semantic intersections open up broad perspectives for studying both the artistic nature of the Northern text of Russian literature for children in particular, and the phenomenon of a literary supertext in general.

Key words: children's reading, the Northern text of Russian literature for children, the image of a winter night in children's reading, the artistic picture of the world

CITATION: Davydova A.V. "There's might and glitter of a winter night...": The image of a winter night in the Northern text of Russian literature for children. *Literature at School*. 2024. No. 1. Pp. 45–59. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2024-1-45-59

Данная статья является частным этапом изучения художественной картины мира Северного текста русской литературы для детей и посвящена рассмотрению одного из элементов этой картины, отражающих неповторимую специфику региона, – образу зимней ночи.

Задачами предпринятого исследования являются рассмотрение образно-смысловых характеристик, которые получает образ зимней ночи в произведениях разных авторов, выявление его смысловых взаимосвязей с другими элементами северорусского мира, определение его места в художественной картине мира Северного текста русской литературы для детей.

Теоретическая значимость исследования состоит в апробации методики комплексного анализа произведений Северного текста русской литературы для детей и литературоведческом рассмотрении не изученного системно художественного материала.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы при дальнейшем изучении Северного текста русской литературы как регионального сверткста.

Материалом для анализа послужил целый ряд произведений Северного текста русской литературы для детей, в которых возникают различные смысловые варианты образа зимней

ночи. Среди них роман З. Давыдова «Беруны»; повести К. Бадигина «Путь на Грумант», Н. Жернакова «Поморские ветры», Н. Лебедева «Архангельские робинзоны», Л. Платова «Архипелаг исчезающих островов», С. Радзиевской «Остров мужества», М. Скороходова «Дымок», «Дым над островом», «Тайна острова Ваули», А. Членова «Как Алешка жил на Севере»; рассказы М. Барышева «Олешек», А. Мошковского «Ночные крики лебедей» и «Ученик пастуха». Специфичность Северного текста как художественного феномена диктует и особый подход к его рассмотрению. Последний отличается интегративным характером, сочетанием в разборе текстов различных видов литературоведческого анализа (системно-семантического, мотивного, хронотопического, мифопоэтического) и элементов геопоэтики.

Полярная ночь – специфическая природная примета Севера; чем ближе к Северному полюсу, тем она длиннее и суровее. Неудивительно, что ее образ занимает особое место в художественной картине мира Северного текста русской литературы. Значим он и для субтекста Северного текста, ориентированного на детское чтение.

В традиционном сознании образы дня и ночи противопоставлены, что отражено и в художественной картине мира Северного текста. В ней

возникает специфический смысловой вариант традиционной оппозиции: антитеза полярной зимней ночи и белой ночи. Кроме того, образы дня и ночи тесно связаны с категориями календарного времени. Так, образ темной ночи писатели чаще всего воспроизводят в контексте образа зимы, так как именно холодное время года на Севере – это еще и время темноты. Образ зимней ночи в Северном тексте русской литературы для детей устойчиво сочетается с образами звезд и северного сияния.

Звезды в различных мифологических системах связаны с астральными мифами. «В типологически ранней группе астральных мифов звезды или созвездия часто представляются в виде животных, нередко в таких мифах речь идет об охоте на животных» [10, с. 116]. Отражения этих древних представлений находим и в образной структуре Северного текста русской литературы для детей. Так, в сборнике М. Барышева «Маленькие поморы» автор при описании звезд, которые видят на ночном небе в тундре мальчик и его олень, использует яркое зооморфное сравнение: «Наступил вечер. На низком небе одна за другой вспыхивали звезды, зеленые, как глаза рыси. Из-за гор показался месяц. Синие длинные тени упали на снег. Они плелись рядом с Витей и оленем, не обгоняя их и не отставая» [3, с. 53].

Для жителей Севера звездное небо часто становится картой, по которой они ориентируются в пути. По звездному свету учит ориентироваться маленького Ванюшку, который только постигает мастерство охотника, Степан в повести С. Радзиевской «Остров мужества»; Витя в рассказе М. Барышева «Олешек» в зимней

ночной тундре отыскивает на небе Полярную звезду. В последнем примере создается ощущение, что ночью вселенная сверху смотрит на землю и ее обитателей. Универсальный характер образа ночной тундры и шире – Севера дополняется в этом эпизоде и мотивами единства мира и пути: «Витя отыскал на небе Полярную звезду. В безлюдной тундре она была такая же, как и на фактории, где в бревенчатом домике возилась мать, в печке трещали дрова и можно было спать, спать, спать...» [Там же]. Небо, единое для человека и природы, словно примиряет эти миры.

Мотив единства мира актуализируется в Северном тексте русской литературы для детей и с помощью мотива отражения звездного света снегом. Яркий пример находим в повести С. Радзиевской «Остров мужества»: «Тут случилось удивительное, что только в этих местах бывает: рев бури оторвался, словно его и не было. Ветер улетел в другие места и утащил за собой тучи, покрывшие небо. Полная луна засияла так ярко, что звезды около нее потускнели, а снег засветился синими огоньками» [20]. Или: «Белый снег от сияния звезд мутно отсвечивал. На нем чернели отдельные камни и скалы: на крутых боках снег не держался. Небо то ли черное, то ли синее – не разобрать, но чистое, все звездами усыпано» [Там же]. Мотив отражения подчеркивает единство неба и земли в художественном мире повести. Именно на затерянном в северном море острове героям дано почувствовать эту суровую гармонию.

Мотив единства в связи с образом звезд может быть прочитан и в более широком контексте: как единство мира и человека; тогда значимой

становится нравственная оценка поступков последнего. Так, особой нравственной категорией при решении конфликта человека и природы для М. Скороходова – автора повести «Дымок» – становится категория пользы. Охотник Шумов трудится не для себя, а для других и оставляет жизнь голубому песцу Дымку не ради себя или его самого, а для сохранения баланса в жизни тундры (массовая гибель песцов по разным причинам) и пользы других людей. Символично, что над размышляющим о человеческом нравственном и профессиональном долге героем в повести – «россыпи звезд», которые «разгораясь обступают остров со всех сторон» [22, с. 53]. И в финальном внутреннем монологе Шумова возникает образ звезд, когда он про себя дает наставления юному другу Гришутке Бокову: «Гордись, мол, парень, не беда, что дело не великое, не всем с неба звезды хватать. Как говорится, чем богаты... Если бы все делали свои дела по совести, вся наша земля была в сиянии» [Там же]. Герой перефразирует категорический императив И. Канта, выраженный в знаменитой образной формуле: «Звездное небо надо мной и моральный закон во мне».

Символично, что это откровение приходит к герою, уединившемуся на необитаемом полярном острове под высокими северными звездами, когда, кажется, ничто не может помешать человеку по-настоящему почувствовать себя частью бесконечной и вечной вселенной.

Как нравственный рубеж переживает зимнюю ночь главный герой повести Н. Жернакова «Поморские ветры» после встречи со следователем Максимовым: «Сегодня и в самом

деле полное небо набилось звезд. Снег не соврет. Их словно бы не бывало столько никогда» [9, с. 100]. Герой, чуть не погибнув от холода и болезни под звездным небом, после покаяния перед Максимовым словно проходит через своеобразный обряд инициации, символически умирает в одном качестве и возрождается в другом. Образ ночного звездного неба также отражает идею нравственного императива. У Н. Жернакова истина, которую он воплощает, связана с концептом народной правды: только покайся перед людьми, открыв душу добру и участию, перестав думать только о себе, ощутив ответственность за себя и отца, Алексей разрывает замкнутый круг отчаяния, достигает желанного берега.

Слияние со звездами Севера становится моментом истины для повествователя у А. Мошковского. В финале рассказа «Ученик пастуха» возникают два взаимосвязанных мотива подмены и творчества. По возвращении домой тундру для героя заменяет Москва; чумы – многоэтажные дома, олени упряжки – городской транспорт, студеную воду из озер – «хлорированная из крана» [15]. В городе тундра превращается для героя в материал для творчества: «И когда в минуты усталости сдвигаются вокруг меня стены комнаты, а перо пишет не то, что нужно, не то и не так, мне хочется сломать стены жилища, вырваться на просторы тундры, вобрать в себя блеск ее озер и свист ветра и заслужить, чтобы пастухи... приняли меня к себе в ученики» [Там же]. Рассказчик – художник, именно в тундре, в воспоминаниях о ней, герой черпает вдохновение, постигает истину, без которой не может быть счастливого

человека и большого писателя: «Я... поднял вверх голову и замер. Все небо от горизонта до горизонта было забито крупными звездами. Млечный Путь широкой полоской опоясывал небо, и до него можно было достать хореом. Полярная звезда так низко нагнулась надо мной, что я боялся, как бы ездовые быки ненароком не шибли ее своими рогами.

Вселенная, огромная и спокойная, во все глаза смотрела на нас – на две упряжки и трех человек. Я ехал и думал о том, как прост и прекрасен мир, в котором мы живем, как надо любить и ценить его и как ничтожен тот, кто не понимает этого» [14]. Эта лирико-философская зарисовка, описывающая ночную поездку рассказчика по тундре (рассказ «Ночные крики лебедей»), образно воплощает его представления о нравственной норме, которой должен следовать человек в своих отношениях с миром. Арктика для героя Мошковского стала тем местом, где открылась для него истина, где он всерьез «начал быть».

Подобный сакральный характер образа Арктики свойственен для Северного текста детской литературы; она становится местом, где героиня соприкасается со вселенским миром, открывает другого человека и самого себя, Крайний Север для писателей является проверкой физических и внутренних человеческих возможностей.

Отражением красоты внутренней выступает внешняя. Человек в Северном тексте русской литературы для детей благоговеет перед ночным звездным небом и, как в древности, пытается услышать его таинственный зов. Так, например, в повести С. Радзиевской «Остров мужества» безжалостный мороз, который «пол-

зет по стенам избушки» [20] белым инеем, чуть не убивает промышленников на оторвавшейся от припая льдине, приходит в мир прекрасно, с «шепотом звезд» [Там же]: «Звезды это шепчут. Знак дают. Стужа идет злая, теперь доведется дома больше посиживать, как бы вовсе не обморозиться» [Там же]. Особый внутренний зов Севера и свою связь с ним ощущает во время зимовки в заполярном Океанске в ожидании второй экспедиции главный герой повести Л. Платова «Архипелаг исчезающих островов»: «А тишина вокруг была удивительная... Все застыло, окоченело, замерзло. Человек здесь слышал самого себя: не только свой пульс, даже свое дыхание – на морозе оно шелестит, замерзая» [19].

Мороз рождает и заполярное чудо – северное сияние. Об этом, например, пишет К. Бадигин в своей повести «Путь на Грумант», где кроме визуальных характеристик северное сияние и звезды получают и звуковые: «Трещат другой раз в сильный мороз сполохи, словно из ружей щелкает. Сам слышал. И матка, случается, дурит на пазорях...» [2]. В авторском комментарии писатель дает научное объяснение этому явлению («Шумы при сильных морозах, приписываемые полярному сиянию и звездам, скорее всего возникали от дыхания самих людей. Выдыхаемый с воздухом пар, замерзая, иногда в тишине явственно шуршит, потрескивает» [Там же]), отмечая его электромагнитную природу.

Зимняя ночь в Северном тексте русской литературы для детей устойчиво ассоциируется с полярным сиянием (в народе – сполохи, зарницы, пазори). В художественных произведениях его образ поэтизируется

и становится едва ли не самой узнаваемой приметой «края земли».

Образ северного сияния устойчиво связан с мотивом света и образом особого холодного пламени/огня/пожара. Так, Н. Жернаков в «Поморских ветрах» сравнивает сполохи с огромной люстрой: «А северное сияние как играет! Кольхается и переливается разноцветно, как большая люстра из стекляшек. Огромная люстра! А то вдруг схватится все небо розоватым пламенем, рассыплется на стрелы, и они молнией ударят ввысь, заблещут около Полярной звезды. Наверное, холодное пламя у сияния. Недаром так морозно на земле» [9, с. 100]. Цветной пожар северного сияния описывает в романе «Беруны» З. Давыдов: «А в это время что-то зажглось за дальними перекатами, и сразу запылало небо, по которому стали развеваться огненные завесы – красные, синие, зеленые; они надвигались, отходили, закручиваясь, как прибывающая к берегу вода. Словно море загорелось в той стороне, где полгода назад поймала этих людей в ледяную сеть губовина, и дивным пожаром пылал там теперь необозримый океан, мечая вверх разноцветные сполохи» [5]. Цветным огнем поражает северное сияние героев в повести К. Бадигина «Путь на Грумант»: «В разных местах над горизонтом, точно нарисованные огненной кистью, появлялись мощные колеблющиеся завесы рубинового и изумрудного цвета. Мгновение – и они исчезали, растворившись в воздухе» [2]. Свет становится важной характеристикой сполохов, которые наблюдает рассказчик в Океанске, и в повести Л. Платова «Архипелаг исчезающих островов»: «На севере в черной глубине неба вдруг возника-

ло облачко. Оно поднималось, легкое, почти прозрачное. Свет его становился все ярче и ярче. Если ветер был не сильным и дул с севера, сияние продолжалось очень долго. Очарование его заставляло забывать о холоде.

Вот радужные складки тяжелеют, как бы отвердевают, это свод пещеры, с которого свешиваются сталактиты. Вереница сверкающих разноцветных арок уводит куда-то вдаль, к таинственной, темнеющей черте горизонта... Похоже на ворота в сказочный мир. Но что там? Острова ли? Пустынное ли, покрытое льдами море?» [19]. Рассказчик, вопреки тяжелым условиям зимовки, удивляется чуду Севера, восхищается им. Красота северного сияния помогает человеку забыть об инстинктивном страхе смерти, который вызывает Север, словно сам таинственный мир манит, призывает открыть свои тайны.

Знаковым в контексте повести является сравнение северного сияния, которое видит герой в Океанске, на Большой земле, с разноцветными сводами чудесной ледяной пещеры. Подобные образы мы встретим при авторской характеристике Земли Ветлугина, исчезающего ледяного полярного архипелага, который ищет герой: «Сказка! Сказка!.. Подземные дворцы изо льда!.. А какие сталактиты, сталагмиты!..» [Там же]. Таким образом, при описании пейзажа полярного Океанска Л. Платов указывает на возможность двойкой трактовки образа Севера: либо с точки зрения психологически достоверной и объяснимой (рассказчик, увлеченный мечтой о таинственных островах, хочет видеть в удивительной Арктике обещание успеха в поиске земли Ветлугина), либо с позиций символических. Тогда Север предстает как

таинственный мир со своими, не подвластными человеку законами.

А. Членов в книге «Как Алешка жил на Севере» и Н. Лебедев в «Архангельских робинзонах», чтобы объяснить читателям-детям, что такое северное сияние, сравнивают его со знакомой ребенку радугой. У А. Членова описание северного сияния посвящена отдельная глава: «...он заметил, что стало светлее... через все темное звездное небо выгнулся дугой огромный разноцветный серп. Как радуга...» [27]. У Н. Лебедева читаем: «В долгую темную ночь в северных странах на небе вдруг показывается особенный свет. Сначала свет загорается на краю неба, а потом поднимается все выше и выше. Затем на небе показывается большая разноцветная радуга, радуга эта переливается и колышется как будто ветром. Потом радуга разрывается, и по небу начинают ходить большие столбы и полосы. В это время кажется, что все небо горит и небесный пожар перекидывается из одного места в другое. Но минут через двадцать свет на небе гаснет, и наступает снова темная ночь, и еще тоскливее становится на душе» [13]. Создавая образ сполохов, автор использует прием контраста: красота и чудо северного сияния вызывают у его героев-робинзонов не радость и восторг или восхищение миром, но, напротив, оттеняют их тоску и отчаяние. Последние переданы в тексте через мотив цикличности времени, характеризующий художественное время, и повтор слова «опять»: «Скоро опять пришла весна. Опять прилетели птицы, появились на море морские звери. Опять начали все поглядывать на море, охотиться и собирать плавник... Опять солнце скрылось

на целые полгода. Опять начались бури и холода» [Там же, с. 27].

Устойчивым при характеристике северного сияния в детской литературе становится его зооморфное сравнение с птицами. В повести С. Радзиевской «Остров мужества» образ сполохов актуализирует антитезу «дом – остров». Ванюшка, глядя на северное сияние на острове, вспоминает то, которое видел дома: «Но такой игры дома не бывало: все небо красным, а то зеленым да золотым возьмется, точно кто разноцветными крыльями машет, и огни все переливаются. Светло делается, чуть как не днем, век бы смотрел. А потом вдруг все разом погаснет, и ночь еще черней кажется, пока глаза к ней опять не привыкнут. Тогда станет видно, как белый снег и от звездного сияния чуть отсвечивает» [20]. Игра северного сияния развлекает мальчика, которому «скушно» без солнца: полярная ночь – тоже форма жизни, поэтому неслучайна и ассоциация с птицей, возникающая в описании. Кроме того, особую полярную природу сполохов подчеркивает и внезапность их появления и исчезновения, выраженная словом «вдруг». Сполохи, как и «вдруг» исчезающее солнце, «вдруг» начинающаяся буря – особое природное проявление Севера.

Волшебных птиц в небе видит и герой повести М. Скороходова «Тайна острова Ваули». Герой, мечтающий о жизни в тундре, не дает описания Архангельска, из которого отправляется в путешествие; первые яркие детали в образе Севера в повести возникают, когда мальчик оказывается в Нарьян-Маре. Там он впервые видит «настоящее» северное сияние (то, что он наблюдал в Архангельске – «ничего особенного, просто

две голубых полосы, как облака» [22, с. 61]). Ребенка поражает диапазон цветных сполохов, возникающих в морозном северном небе: «Я забыл обо всем на свете. Как будто кроме меня никого нет, стою под огненным разноцветным небом и не дышу. Словно миллионы жар-птиц играли в небе. А потом стало еще красивее. Закружились оранжевые лучи еще быстрее, как молнии... Я стоял под огромным огненным шатром. Цвет лучей менялся каждую секунду... Зеленые, синие, красные – они вылетали из одной точки и недалеко от земли, над горизонтом, вдруг пропадали. Ну, не верилось глазам! Я впервые увидел и почувствовал по-настоящему пространство: от края шатра до той точки, в которой сходились все лучи, было, по-моему, не меньше тысячи километров...

Небо вздрогнуло, и шатер стал золотисто-розовым. По его краю широким кольцом вспыхнула малиновая кайма. И все погасло в один миг. Я смотрел в ту точку, откуда вылетали лучи, а там – яркая маленькая звездочка...» [Там же]. Редкой красоты северное сияние, увиденное героем, – его первая «северная удача» («такие сияния ... бывают редко» [Там же]) и первое чудо, которое дарит ему Арктика. Она приоткрывает мальчику дверь в заветный таинственный мир Крайнего Севера.

С золотыми павлинами сравнивает сполохи З. Давыдов в романе «Беруны»: «Казалось, золотые павлины распустили там горящие хвосты и горделиво расхаживали по широко разостланному коврам, то заходя за край пурпуровой завесы, то снова появляясь и шествуя дальше по тропе, которая протянулась с востока на запад, но все больше начина-

ла отклоняться к югу» [5]. Интересно, что описание северного сияния в повести, с одной стороны, по цветовой характеристике близко к образу арктических льдов, а с другой – ассоциативно связывается с образом моря-дороги. Так в книге создается единство художественного мира северного острова.

Герои повести К. Бадигина «Путь на Грумант» так же видят чудесную птицу, наблюдая северное сияние: «Вихри зеленого пламени охватили все небо, сошлись в зените, и из них выплыла гигантская огненная птица. Она парила в вышине, распластав широкие крылья, сотканные из тончайших прозрачных лучей» [2]. К. Бадигин оригинально дополняет традиционный образ полярного сияния: «На прощанье расточительная природа показала своим благодарным зрителям еще одно феерическое зрелище: в вышине засияла многоярусная блестящая корона, от которой во все стороны мчались многоцветные стрелы холодного огня» [Там же]. Образ короны словно подчеркивает величие северного острова и мира Севера в целом, явно обладает оценочной семантикой.

Кроме того, образ северного сияния актуализирует сквозной для сюжета мотив пути: «Теперь через весь небосвод кто-то перекинул сверкающий хрустальный мост, а затем яркий зеленый луч, как меч в руках у великана, рассек темный бархат неба» [Там же]. Эти строки из повести К. Бадигина «Путь на Грумант» созвучны отрывку из романа З. Давыдова «Беруны»: «Дорога эта перекинулась наконец через весь остров, как серебряная дуга, огромным выгнутым мостом уводила из страны пустой и необитаемой в плодоносные

земли...» [5]. Этот эпизод запечатлевает своеобразный виток сюжетной спирали в романе: герои, так стремившиеся по морской дороге попасть к богатому Груману, оказавшись на Малом Беруне, мечтают вернуться домой. Чудесный рай оказывается на родной земле, «где человек собирает в житницы зерно, где шелестит трава и лепечут струи реки» [Там же].

Схожую образно-мотивную характеристику сполохов находим в повести А. Членова «Как Алешка жил на Севере». В ней также возникает ассоциативная близость северного сияния и моря и образ моста, который, правда, на наш взгляд, актуализирует семантику единства мира: «Сначала оно было еще зеленое, переливающееся, как будто в солнечный день по морю волны бегут. А потом края северного сияния, которыми оно как будто держалось за землю, поднялись вверх, и тогда получилось, что это уже не мост, а огромная лента развернулась по небу» [27].

Изменчивость образных ипостасей сполохов становится символом живой жизни северного мира, который только на первый взгляд может показаться замершим, застывшим или бесцветным. На самом деле именно здесь герои Северного текста русской литературы для детей могут в полной мере почувствовать связь с миром, научиться видеть его красоту.

Чудо северного сияния – это то немногое, что в суровом краю может примирить человека с природой и собственной судьбой. Так, в повести М. Скорородова «Дым над островом» переломным эпизодом, обозначившим изменившееся отношение героя к острову после того, как Сергей узнал его, обжил, приспособился к нему, становится эпи-

зод с северным сиянием, которое наблюдает герой. Это северное чудо начинается «вдруг» и потрясает персонажа до глубины души: «Вдали, в восточной части неба, вдруг вспыхнули огромные желто-зеленые столбы северного сияния, и вскоре почти весь небосвод был охвачен холодным кипящим огнем.

Сергей остановился, потрясенный волшебной игрой красочных лучей в черной, усыпанной звездами бездне... Было что-то радостно-таинственное в этом стремительном гордом полете разноцветных лучей. Абсолютная тишина, сказочный покой снежных просторов, озаренных призрачным светом, словно подчеркивали величие происходящего. Время остановилось...» [22, с. 103]. Северное сияние рождается в споре холода и огня, темноты и цвета. Оно – чудо северной природы – словно послано герою в утешение. Сергей, принимая сияние как дар Арктики, «чувствует, что его отношение к острову изменилось. Стали дорогими эти холмы, сопка, груды скал, песцовые тропки, заструги на припае, весь этот простор, слитый с небом, со Вселенной, пронизанный искорками звездного света» [Там же, с. 104]. Это сакральный момент слияния с миром, доступный избранным, момент принятия «чужого» мира как «своего»: «Не было бы здесь меня, пропала бы ни за что, ни про что вся эта красота. Звезды, сияние, ночь, тишина – все для меня. Остров был мертвым, а теперь он живет, грустит и радуется вместе со мной» [Там же]. Теперь герой осознает свою робинзонаду не как роковую случайность и трагедию, а как проявление целесообразности, мудрости жизни, и себя – человека – начинает понимать как органичную

часть вселенной, призванную придать смысл всему окружающему. После эпизода с северным сиянием остров понимается уже не как случайное пристанище, но как дом. Видимо, неслучайно третья глава повести называется «Большая семья».

Итак, образ ночи в Северном тексте русской литературы для детей чаще всего тесно связан с зимой как календарным временем и актуализирован с помощью более частных образов звезд и северного сияния. Первые связаны с древними астральными мифами через зооморфные сравнения и тему охоты (звезды – пространственные ориентиры для поморов – охотников и путешественников); мотивы единства и красоты мира, нравственного выбора человека. Образ северного сияния создается в Северном тексте русской литературы для детей с помощью более частных образов огня (пламени, пожара), радуги, пещеры, моста, сравнения с птицами и морем; он, с одной стороны, противопоставлен родному дому героев, так как причастен миру Арктики, а с другой – связан с мотивом примирения героя с судьбой.

Отечественные исследователи довольно часто обращаются к изучению образа ночи в художественных произведениях, исследуют его в разных аспектах и на разном материале. Довольно часто литературоведов привлекает устойчивая для традиционной картины мира смысловая оппозиция «день – ночь». Например, можно вспомнить работы Л.Н. Тихомировой «Оппозиция ночи и дня в поэтическом мире Ф.И. Тютчева» [26] и Т.В. Железняковой «Образ дня и ночи в лирике Ф.И. Тютчева» [8]. Образ собственно ночи также становится предметом исследования в целом ряде работ

(Э.А. Радь «Символ “ночи” в поэзии А. Блока: новые смысловые решения» [21], Н.Ю. Абузова «Вечер и ночь в русской поэзии (Жуковский, Тютчев)» [1] и др.). Частные образы северного сияния и звезд, актуализирующие образ зимней ночи в Северном тексте русской литературы для детей, на различном художественном материале также рассматриваются отечественными филологами. Например, первый, тесно связывается с образом северной ночи в работах М.Ю. Елеповой («Духовные оды М.В. Ломоносова как образцы естественнонаучной апологетики» [6] и «К вопросу о жанровой природе духовных од М.В. Ломоносова» [7], Е.А. Чулковой («Метафоризация явления полярного сияния как вестника злого рока в древнегерманской картине мира» [28]), Л.Г. Куриловой («Образ полярного сияния в поэзии Улуро Адо» [12]).

Астральные образы, в том числе образы звезд, как и северное сияние, часто интерпретируются в текстах писателей и поэтов не только с реалистической, но и мифопоэтической позиций. Примером могут послужить работы А.А. Комиссаровой («Небесные светила в поэзии И.Ф. Анненского» [11]), Г.Е. Горланова («Символика звезды в творчестве М.Ю. Лермонтова» [4]). Важный вклад в изучение темы вносят и исследования лингвистов, рассматривающих концепт «звезда» (М.В. Пименова «Устойчивая художественная метафора “душа-звезда” и ее вариант “душа-солнце”» [16]; М.В. Пименова, А.А. Бакирова «Образные признаки концепта “звезда”» [17]; М.Н. Пирогова «Концепт “звезда” в творчестве И.А. Бунина» [18] и др.).

На наш взгляд, особенно интересны те исследования, в которых обосновываются теория и поэтика

так называемого «ночного сверткста». Вспомним, например, труды Л.Н. Тихомировой «Истоки “ночного” сверткста в русской поэзии» [23], «“Ночная” поэзия как сверткст» [24], «К вопросу о некоторых теоретических аспектах проблемы сверткста «ночной» поэзии» [25] и др. Подобные исследования дают возможность полагать, что Северный текст русской литературы для детей – субтекст разных сверткст-

тов, особый художественный феномен, существующий на границах различных сверткстсов (в данном случае – регионального Северного текста и «ночного»). Подобные образно-смысловые пересечения открывают широкие перспективы для исследования как художественной природы Северного текста русской литературы для детей в частности, так и феномена литературного сверткста в целом.

Библиографический список

1. Абузова Н.Ю. Вечер и ночь в русской поэзии (Жуковский, Тютчев) // Филология и человек. 2007. № 3. С. 70–82.
2. Бадигин К.С. Путь на Грумант. Поморская быль. М., 1958. URL: <https://mezrob29.ru/nazvanie-teksta/> (дата обращения: 16.12.2023).
3. Барышев М.И. Маленькие поморы. М., 1958.
4. Горланов Г.Е. Символика звезды в творчестве М.Ю. Лермонтова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2009. № 2. С. 52–59.
5. Давыдов З.С. Беруны. Из Гощи гость. М., 1971. URL: <https://www.rulit.me/books/beguny-read-414466-1.html> (дата обращения: 31.10.2023).
6. Елепова М.Ю. Духовные оды М.В. Ломоносова как образцы естественнонаучной апогетики // Северный текст русской литературы: Художественная картина мира / сост. Е.Ш. Галимова. Вып. 2. Архангельск, 2012. С. 4–16.
7. Елепова М.Ю. К вопросу о жанровой природе духовных од М.В. Ломоносова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2012. № 3. С. 88–93.
8. Железнякова Т.В. Образ дня и ночи в лирике Ф.И. Тютчева // Международный журнал социальных и гуманитарных наук. 2016. Т. 6. № 1. С. 157–159.
9. Жернаков Н.К. Поморские ветры. Архангельск, 1964.
10. Иванов В.В. Астральные мифы // Мифы народов мира / под ред. С.А. Токарева: в 2 т. Т. 1. А–К. М., 1987. С. 116–117.
11. Комиссарова А.А. Небесные светила в поэзии И.Ф. Анненского (окончание) // Русская речь. 2010. № 4. С. 18–23.
12. Курилова Л.Г. Образ полярного сияния в поэзии Улуро Адо // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 4 ч. Ч. II. 2015. № 12 (54). С. 110–115.
13. Лебедев Н.К. Архангельские робинзоны. Рассказ о приключениях четырех поморов на необитаемом острове в северном полярном море. М., 1935.
14. Мошковский А.И. Ночные крики лебедей. URL: <https://litmir.club/br/?b=111142&p=55> (дата обращения: 16.12.2023).
15. Мошковский А.И. Ученик пастуха. URL: <https://litmir.club/br/?b=111142&p=56> (дата обращения: 16.12.2023).
16. Пименова М.В. Устойчивая художественная метафора «душа-звезда» и ее вариант «душа-солнце» // Информационный вестник Форума русистов Украины. Вып. 16. Симферополь, 2013. С. 37–44.
17. Пименова М.В., Бакирова А.А. Образные признаки концепта «звезда» // Язык и текст / отв. ред. М.В. Пименова. СПб., 2015. С. 49–55.
18. Пирогова М.Н. Концепт «звезда» в творчестве И.А. Бунина // Актуальные проблемы изучения литературы в вузе и школе: материалы VIII Всероссийской научно-

- практической конференции, 9–10 ноября 2009 г. / отв. ред. Н.Н. Старыгина. Йошкар-Ола, 2010. С. 73–79.
19. Платов Л.Д. Архипелаг исчезающих островов. М., 1949. URL: <https://libking.ru/books/adv-/adventure/577490-leonid-platov-arhipelag-ischezayushchih-ostrovov.html> (дата обращения: 16.12.2023).
 20. Радзиевская С.Б. Остров мужества. Казань, 1972. URL: <https://libcat.ru/knigi/detskaya-literatura/prochaya-detskaya-literatura/12484-sofya-radzievskaya-ostrov-muzhestva.html> (дата обращения: 16.12.2023).
 21. Радь Э.А. Символ «ночи» в поэзии А. Блока: новые смысловые решения // Научный потенциал молодежных исследований: сборник статей международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2020. С. 106–110.
 22. Скороходов М.Е. Северные робинзоны. Приключенческие повести. Архангельск, 1965.
 23. Тихомирова Л.Н. Истоки «ночного» сверткста в русской поэзии // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2008. № 8. С. 226–234.
 24. Тихомирова Л.Н. К вопросу о некоторых теоретических аспектах проблемы сверткста «ночной» поэзии // Литература в контексте современности: сборник материалов IV международной научно-методической конференции. Челябинск, 2009. С. 90–94.
 25. Тихомирова Л.Н. «Ночная» поэзия как сверткст // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2009. № 1/2 (63). С. 137–143.
 26. Тихомирова Л.Н. Оппозиция ночи и дня в поэтическом мире Ф.И. Тютчева // Культура – искусство – образование: новое в методологии, теории и практике: материалы XXVI научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава академии. Челябинск, 2005. С. 134–137.
 27. Членов А.Ф. Как Алешка жил на Севере. URL: <https://libking.ru/books/child-/child-prose/131359-anatolij-chlenov-kak-aleshka-zhil-na-severe.html> (дата обращения: 16.12.2023).
 28. Чулкова Е.А. Метафоризация явления полярного сияния как вестника злого рока в древнегерманской картине мира // Филология и культура. 2019. № 1. С. 112–117.

References

1. Abuzova N.Yu. Evening and night in Russian poetry (Zhukovsky, Tyutchev). *Philology & Human*. 2007. No. 3. Pp. 70–82. (In Rus.)
2. Badigin K.S. Way to Grumant. URL: <https://mezrob29.ru/nazvanie-teksta>
3. Baryshev M.I. Malenkie pomory [Little Pomors]. Moscow, 1958.
4. Gorlanov G.E. Symbolism of the star in the work of M.Yu. Lermontov. *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2009. No. 2. Pp. 52–59. (In Rus.)
5. Davydov Z.S. Beruny. Iz Goshhi gost [Beruns. Guest from Goscha]. Moscow, 1971. URL: <https://www.rulit.me/books/beruny-read-414466-1.html>
6. Yelepova M.Yu. Spiritual odes M.V. Lomonosov as examples of natural science apologetics. *Severnyj tekst russkoj literatury: Hudozhestvennaya kartina mira*. E.Sh. Galimova (ed.). Issue 2. Arhangelsk, 2012. Pp. 4–16. (In Rus.)
7. Yelepova M.Yu. On the question of the genre nature of spiritual odes M.V. Lomonosov. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2012. No. 3. Pp. 88–93. (In Rus.)
8. Zheleznyakova T.V. The image of day and night in the lyrics of F.I. Tyutchev. *Mezhdunarodnyj zhurnal socialnyh i gumanitarnyh nauk*. 2016. Vol. 6. No. 1. Pp. 157–159. (In Rus.)
9. Zhernakov N. Pomorskie vetry [Pomor's winds]. Arhangelsk, 1964.
10. Ivanov V. V. Astral myths. *Mify narodov mira*. S.A. Tokarev (ed.). In 2 vols. Vol. 1. A–K. Moscow, 1987. Pp. 116–117. (In Rus.)

11. Komissarova A.A. Heavenly luminaries in the poetry of I.F. Annensky (ending)]. *Russian Speech*. 2010. No. 4. Pp. 18–23. (In Rus.)
12. Kurilova L.G. The image of the polar lights in the poetry of Uluro Ado. *Filologicheskije nauki. Voprosy teorii i praktiki*. In 4 parts. Part II. 2015. No. 12 (54). Pp. 110–115. (In Rus.)
13. Lebedev N.K. Arhangel'skie robinzony. Rasskaz o priključenijah chetyryoh pomorov na neobitaemom ostrove v severnom polyarnom more [Arkhangelsk Robinsons. The story of the adventures of four Pomors on a desert island in the North Polar Sea]. Moscow, 1935.
14. Moshkovsky A.I. Night screams of swans. URL: <https://litmir.club/br/?b=111142&p=55> (In Rus.)
15. Moshkovsky A.I. Shepherd's apprentice. URL: <https://litmir.club/br/?b=111142&p=56> (In Rus.)
16. Pimenova M.V. Stable artistic metaphor "soul-star" and its version "soul-sun". *Informacionnyj vestnik Foruma rusistov Ukrainy*. Simferopol, 2013. Vol. 16. Pp. 37–44. (In Rus.)
17. Pimenova M.V., Bakirova A.A. Figurative signs of the star concept. *Yazyk i tekst*. M.V. Pimenova (ed.). St. Petersburg, 2015. Pp. 49–55. (In Rus.)
18. Pirogova M.N. The concept of "star" in the work of I.A. Bunin. *Aktualnye problemy izucheniya literatury v vuze i shkole: materialy VIII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 9–10 noyabrya 2009*. N.N. Starygina (ed.). Joshkar-Ola, 2010. Pp. 73–79. (In Rus.)
19. Platov L.D. Archipelago of disappearing islands. Moscow, 1949. URL: <https://libking.ru/books/adv-/adventure/577490-leonid-platov-arhipelag-ischezayushchih-ostrovov.html> (In Rus.)
20. Radzievskaja S.B. Island of courage. Kazan, 1972. URL: <https://libcat.ru/knigi/detskaya-literatura/prochaya-detskaya-literatura/12484-sofya-radzievskaya-ostrov-muzhestva.html> (In Rus.)
21. Rad E.A. The symbol of the "night" in the poetry of A. Blok: new semantic decisions. *Nauchnyj potencial molodyozhnyh issledovanij. Sbornik statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Petrozavodsk, 2020. Pp. 106–110. (In Rus.)
22. Skorohodov M. Severnye robinzony. Priključencheskie povesti [Northern Robinsons. Adventure stories.]. Arhangel'sk, 1965.
23. Tihomirova L.N. The origins of the "night" supertext in Russian poetry. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2008. No. 8. Pp. 226–234. (In Rus.)
24. Tihomirova L.N. To the question of some theoretical aspects of the problem of the supertext of "night" poetry. *Literatura v kontekste sovremennosti: sbornik materialov IV mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy konferencii*. Chelyabinsk, 2009. Pp. 90–94. (In Rus.)
25. Tihomirova L.N. «Nochnaya» poeziya kak sverhtekst ["Night" poetry as supertext]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*. 2009. No. 1/2 (63). Pp. 137–143. (In Rus.)
26. Tihomirova L.N. Opposition of night and day in the poetic world of F.I. Tyutchev. *Kultura – iskusstvo – obrazovanie: novoe v metodologii, teorii i praktike: materialy XXVI nauchno-prakticheskoy konferencii professorsko-prepodavatel'skogo sostava akademii*. Chelyabinsk, 2005. Pp. 134–137. (In Rus.)
27. Chlenov A.F. As Alyoshka lived in the North. URL: <https://libking.ru/books/child-/child-prose/131359-anatolij-chlenov-kak-aleshka-zhil-na-severe.html> (In Rus.)
28. Chulkova E.A. Metaphorization of the phenomenon of the polar lights as a messenger of evil rock in the ancient German picture of the world. *Philology and Culture*. 2019. No. 1. Pp. 112–117. (In Rus.)

Статья поступила в редакцию 20.12.2023, принята к публикации 31.01.2024
The article was received on 20.12.2023, accepted for publication 31.01.2024

Сведения об авторе / About the author

Давыдова Алёна Владимировна – кандидат филологических наук; доцент кафедры литературы Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск

Alyona V. Davydova – PhD in Philology (Literature); Assistant Professor at the Department of Literature, Higher School of Social Sciences, Humanities and International Communication, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk

E-mail: a.davidova@narfu.ru